

ХЕЛЕНА ХАТ

ДОМ НАД МАСЛИНОВОЙ РОЩЕЙ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

18+

О тайнах прошлого и встречах,
которые меняют настоящее

Хелена Хат

Дом над маслиновой рощей

«Автор»

2026

Хат Х.

Дом над маслиновой рощей / Х. Хат — «Автор», 2026

«Что, если бы брак был контрактом на пять лет? С возможностью пересмотреть — без обид, без чувства вины. Вы бы выбрали свою жену снова? А она — вас?» Этот вопрос застал его врасплох. Он пришёл в старый замок под вымышленным предлогом — колесо, телефон, нелепая ложь. А услышал то, что перевернуло всё. Профессор философии, он взял академический отпуск и переехал с женой на юг Италии — к морю, к оливам, к тишине. Он думал, что просто хочет передохнуть. Но случайная встреча на террасе кафе с загадочной женщиной запустила цепочку событий, которые привели его в закрытый мир древних ритуалов, тайных клубов и масок. Теперь он стоит перед выбором. Привычка или страсть? Прошное или будущее? Та жизнь, которую он построил, — или та, о которой он даже не смел мечтать? «Дом над маслиновой рощей» — это роман-погружение о женской энергии, о тайнах прошлого и о выборе, который никогда не поздно сделать.

© Хат Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Il Glicine»	5
Глава 2. Учивость и тень	9
Глава 3. Платок	11
Глава 4. Масличная роща	13
Глава 5. Ее тропа	15
Глава 6. Дом Джанни Палумбо	18
Глава 7. Ключ от мечты	22
Гла	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Хелена Хат

Дом над маслиновой рощей

Глава 1. «Il Glicine»

Он достиг того возраста, когда принято подводить итоги — и впервые в жизни не знал, что делать дальше.

Двадцать три года он преподавал философию в Туринском университете — читал Канта и Хайдеггера студентам, которые год от года становились всё моложе и всё менее способны отличить трансцендентальное от трансцендентного. Когда-то это зажигало его; теперь — выжигало изнутри. Он смотрел на аудиторию и ловил себя на мысли, что говорит в пустоту. Или, хуже того, сам стал пустотой, из которой уходят слова, не оставляя следа. В сорок семь он взял академический отпуск. Официальная причина была солидной и всем понятной — написание диссертации. Декан, старый друг, подписал бумаги без вопросов. Настоящая причина была проще и сложнее одновременно: ему нужно было подумать. О своей жизни. О том, куда она идёт и, главное, зачем.

Жена предложила переехать на юг, поближе к её семье. Она была родом из Бари, и после двух десятилетий на севере, в промозглой серости Турина, ей хотелось обратно — к морю, к матери, к сёстрам, к неторопливому ритму апулийской жизни. Он согласился почти без колебаний. Какая разница, где думать о своей жизни? Может быть, здесь, среди белого камня и адриатического света, думается лучше. Или, может быть, ему уже всё равно.

Квартиру нашли в Монополи, в Ларго Сан-Сальваторе — тихом уголке старого города, в стороне от туристических маршрутов. Палаццо восемнадцатого века, перестроенное на несколько просторных резиденций. Высокие потолки с деревянными балками, окна со ставнями, выходящие во внутренний двор, где в кадке росло лимонное дерево — тощее, но упрямо плодоносящее. Места было много, пожалуй, даже слишком много для двоих. Иногда, проходя из спальни в кухню через анфиладу комнат, он ловил себя на странном чувстве: будто он здесь — гость. Будто этот белый камень, эта тишина, этот южный свет принадлежат кому-то другому.

Кафе называлось «Il Glicine» — «Глициния». Старая лоза оплетала деревянные балки над террасой, и в июне, когда они пришли туда впервые, кисти растения ещё цвели — бледно-лиловые, тяжёлые, чуть сонные от жары. Терраса ютилась на верхней части улицы виа Витторио Венето и выходила на склон: внизу белые кубики домов сползали к порту, а дальше, за черепичными крышами и антеннами, угадывалась открытая вода — не само море, а простор неба над Адриатикой.

Их столик сначала стоял неудачно — солнце било жене прямо в глаза, и она, морщась, попросила его пересесть. Он подозвал официанта, они передвинули приборы и бокалы с водой, и, усаживаясь на новое место, он рассеянно скользнул взглядом по террасе — и что-то необъяснимое остановило его взгляд, ещё не успевший понять или осознать, что именно его держит. Как будто в привычный шум мира вплелась нота, которой там раньше не было. Он замер, всё ещё глядя куда-то мимо собственного внимания, а потом медленно, словно против воли, перевёл фокус.

Она сидела одна за столиком на двоих, у самого края, где кончался навес и начиналось открытое небо. На ней было длинное платье из тонкой, почти невесомой ткани — светлое, чуть дымчатое, с глухим воротом-стойкой, обнимающим шею, и длинными закрытыми рукавами, собранными у запястий в мягкие складки. Ткань была такой лёгкой, такой податливой,

что силуэт угадывался сквозь неё — а если точнее, дорисовывался воображением. Ветер то прижимал ткань к телу, подчеркивая мягкую, гармоничную линию, то отпускал, и тогда платье снова становилось просто дымкой, просто тенью.

Он не мог определить сколько ей лет. В том, как она сидела, чуть откинувшись на спинку стула, не глядя в телефон, была какая-то глубокая, почти нездешняя умиротворенность, какая приходит только с опытом долгой жизни. Взгляд её, устремленный туда, где склон уходил вниз, к морю, был спокоен и мудр — так смотрят люди, примирившиеся с чем-то очень важным. Но при этом в ней была лёгкость. Не юная — другая: лёгкость движений, которая не имеет возраста. Она поправила край рукава, провела пальцами по кромке кофейной чашки, и каждый жест её был плавным, естественным, словно тело её двигалось в каком-то своём, внутреннем ритме, не совпадающем с суетой мира.

Он не мог понять, хорошо ей или грустно. Ждёт ли кого-то с нетерпением или, наоборот, наслаждается одиночеством. В её позе было что-то одновременно и расслабленное, и едва уловимо печальное — как у человека, который на минуту выпал из времени и примеряет на себя тишину. Ему вдруг захотелось узнать, о чём она думает. Что дает ей такой покой.

Преподававший философию, привыкший раскладывать реальность на концепции, всматриваться в неё через сетку категорий — субъект и объект, причина и следствие, сущность и явление, — он смотрел на неё и пытался понять. Классифицировать. Найти аналогию. Но чем дольше он всматривался, тем яснее чувствовал: привычные инструменты здесь не работают. Она ускользала от анализа, как вода ускользает от пальцев. Она не вписывалась в категории. Она просто *была* — и в этом была её непостижимая, тихая сила.

— Ты меня слушаешь? — спросила жена.

— Да, — ответил он машинально, даже не успев испугаться. — Жарко просто.

Жена продолжила что-то говорить — о том, что нужно не забыть заехать к её матери в субботу, — а он позволил своему взгляду ещё раз соскользнуть туда, где сидела она. К самому краю террасы. К её столику. К её тишине.

И в этот самый миг порыв ветра, мягкий, но настойчивый, подхватил прядь её волос — природно русых, но выгоревших на солнце Италии до светлого, почти льняного оттенка, чуть выющихся и влажных от морского воздуха — и перенёс прямо к уголку губ. Прядь легла на губы, как случайный поцелуй, и замерла там.

Она не убрала её..

Он смотрел. Ждал. Сейчас — сейчас она поднимет руку, чтобы заправить волосы за ухо, смахнёт эту вольную прядь. Но она не двигалась. Она позволяла ветру делать с собой всё, что ему вздумается, и в этом было что-то до странности доверительное, почти интимное — как если бы она была наедине с миром, а мир был её давним любовником, которому она разрешала любые прикосновения.

У него перехватило дыхание.

Глупое, невозможное, иррациональное чувство, будто он уже видел этот жест, этот локон у губ, этот рассеянный взгляд. Будто он знал эту женщину — нет, не знал, но помнил. Так помнят сон, который рассыпается при пробуждении, оставляя лишь смутную, щемящую тоску

по чему-то прекрасному и недоступному. Он уже знал это чувство: иногда образ, пришедший изнутри, оказывался реальнее того, что стояло перед глазами. Но сейчас это был не образ. Это была живая женщина.

Он перевёл взгляд на жену. Она размешивала сахар в чашке, и ложечка позвякивала о фарфор. Этот звук был знакомым, привычным, правильным. Всё на своих местах.

Краем глаза он заметил, что к столику незнакомки кто-то подошёл. Мужчина — высокий, в светлой рубашке, с приятным, обыкновенным лицом. Она улыбнулась ему — мягко, без вспышки, без кокетства, — и её лицо на секунду стало другим. Исчезла та самая загадочная отстранённость. Она стала просто женщиной, которой приятно видеть знакомого человека. Мужчина сел напротив, и она что-то ему сказала — он не расслышал, что именно, — и потянулась к чашке с кофе.

Его кольнула досада. Не ревность — нет, скорее сожаление. Словно кто-то закрыл книгу на самой интересной странице.

Она поднялась. Высокий мужчина помог ей отодвинуть стул — вежливо, но без лишней теплоты. Он не смотрел прямо — не мог себе позволить, это было бы слишком откровенно, слишком заметно, — но краем глаза провожал её фигуру, до самого выхода. Лёгкая ткань платья струилась за ней, и на мгновение ему показалось — это не женщина, уходящая с террасы, а тень, скользящая по воде.

Они ушли. Герой расплатился, помог жене подняться, взял со стола её солнечные очки — и на мгновение задержался взглядом на пустом стуле, где только что сидела она. Ветер всё ещё играл с чем-то невидимым, словно она оставила там частицу своей тишины.

— Идём? — жена тронула его за локоть.

— Идём.

Он ни разу не обернулся. Всю дорогу домой он молчал чуть больше обычного, но этого никто не заметил. Даже он сам.

День, начавшийся так странно, потом всё же накрыл его волной привычной суеты: долгая прогулка по старому городу, которую жена превратила в поход по магазинам — она заходила то в одну лавку, то в другую, а он ждал снаружи, шурясь от белого солнца и думая о чём-то своём. Потом — обязательный заезд к тёще. Та усадила их на террасе, поила чаем с анисовым печеньем и расспрашивала — о здоровье, о том, как они устроились, о планах на будущее. Он отвечал ровно, кивал, улыбался, но мысли его текли где-то в стороне, как вода, обтекающая камень. Вечером — лёгкий ужин с женой, разговоры о чём-то неважном. Всё это — прогулка, лавки, родственники, вопросы — к ночи слилось в один долгий, монотонный гул, фоновый шум жизни, от которого он, казалось, сбежал на юг, но который настиг его и здесь.

Он почти забыл о той женщине на террасе — почти. Но когда лёг в постель и закрыл глаза, выключив прикроватную лампу, когда дыхание жены рядом стало ровным и глубоким, она вдруг вернулась.

Не воспоминанием. Живой картиной.

Он её увидел не на террасе, в спальне, в той, которую сам ей придумал. Тёплый, приглушённый свет — свеча или ночник. Окно приоткрыто, и тот же влажный ветер шевелит лёгкую занавеску. Она стоит спиной к нему — к воображаемой точке, откуда он смотрит, — и на ней шёлковая ночная рубашка. Не вызывающая, не кружевная, а простая, струящаяся, цвета слоновой кости или бледного персика. Ткань скользит по её телу, с каждым шагом к постели.

В его фантазии она одна. Того мужчины нет. Он даже не знает, кем он ей приходится — и сейчас это не важно. Важно только то, что она одна в этой тишине, и он — единственный свидетель.

Она медленно, почти ритуально готовится ко сну. Поправляет волосы — те самые, влажные, чуть выющиеся, — и они струятся сквозь её пальцы. Проводит ладонью по плечу и садится на край кровати.

Ее лица не видно. Но он видит эту прядь, которая снова — вот она — касается уголка губ. Дыхание становится глубже, медленнее, словно он сам погружается в её тишину. Словно он не лежит в своей постели, а парит где-то рядом, невидимый, невесомый, и впитывает каждое её движение.

Она поднимает руку, чтобы выключить воображаемый свет, и на секунду замирает. Он замирает тоже.

Темнота.

Он открывает глаза. В спальне тихо. Жена спит. За окном — ни ветра, ни моря, только далёкий шум города. Но под закрытыми веками всё ещё стоит картинка — шёлк, тень, прядь у губ. Он осторожно переворачивается на бок, чтобы не разбудить жену, и долго лежит с открытыми глазами, глядя в темноту.

Он не знает, зачем это делает, не знает, что будет дальше. Знает только, что завтра — он снова закроет глаза и постарается увидеть её. Её движения. Её тишину. Её одну.

И от этой мысли ему становится одновременно и стыдно, и сладко.

Глава 2. Учтивость и тень

Прошло четыре дня.

Он не считал — но каждый вечер, сам себе не признаваясь, прокручивал в голове пятницу. Пятница была их первым походом в «Il Glicine». Может быть, у неё есть привычка. Может быть, она приходит туда каждую пятницу в одно и то же время. А может — и эта мысль была совсем уж нелепой, — она тоже заметила его и придет в надежде на встречу.

В четверг вечером, за ужином, он сказал жене — нарочито небрежно:

— Слушай, в пятницу мы будем у твоей матери. А что если нам с утра снова зайти в то кафе? Всё равно будем рядом, туда-сюда мотаться.

Жена пожала плечами:

— Давай. Там правда было уютно.

Его пронзило короткое, стыдное торжество. Как будто он что-то выиграл. Как будто она дала ему разрешение — сама того не зная.

Они пришли чуть раньше, чем в прошлый раз. Терраса была полупустая — утренняя жара ещё не разогнала тени, и город только начинал просыпаться, лениво и нехотя, как всегда на юге. Заняли тот же столик. Он сел так, чтобы видеть край террасы, и сделал заказ, почти не глядя в меню.

Жена болтала — о матери, о том, что сестра снова поссорилась с мужем, о том, что надо бы обновить плитку в ванной. Он кивал, поддерживал разговор, даже шутил — но взгляд его был постоянно занят тем, что было на террасе.

И она пришла.

Сначала он увидел не её, а того мужчину. Высокий, та же светлая рубашка, может быть, даже та же самая. Он поднялся по ступенькам террасы уверенным шагом — и только потом, за его спиной, показалась она. В другом платье, но таком же — лёгком, дышащем, свободном. Плечи и руки были прикрыты, как и в прошлый раз, но сегодня платье было с более свободным вырезом — мягким, округлым, — и он впервые увидел её шею — открытую, длинную, плавную, трогательную в своей незащищённости. Он смотрел на эту тонкую линию, переходящую в ключицу, и чувствовал странное, щемящее волнение — как будто ему доверили тайну, о которой она сама не знала.

Они сели за тот же столик — их столик. Он хотел поймать её взгляд — просто чтобы она его заметила, и возможно, чтобы между ними пробежало что-то, хотя бы искра, — но она не смотрела по сторонам.

Она слушала. Мужчина говорил — негромко, что-то явно бытовое или деловое; она кивала, коротко отвечала — и замолкала. Ни одной фразы «навстречу». Ни одного вопроса,

начатого ею самой. Отвечала ровно, спокойно, без холода, но и без тепла — как отвечают коллеге, с которым давно работаешь и которому не нужно ничего доказывать. Мужчина тоже не выказывал ничего лишнего. Ни прикосновений. Ни долгих взглядов.

Кто он? Муж? Брат? Друг? Коллега? По их поведению невозможно было сказать. Они не были любовниками — это он чувствовал почти наверняка. Но было ли когда-то?

И тут случилось то, ради чего он, сам себе не признаваясь, и пришёл.

Мужчина достал телефон — кажется, ответил на сообщение, — и в эту секунду она выпала из разговора. Её взгляд медленно уплыл в сторону, за край террасы, туда, где садилось солнце и белые крыши уступали место открытому небу. Она вернулась в свою тишину — ту самую, которую он уже считал своей.

У него перехватило дыхание. Вот она. Та. Настоящая. В ней нет нужды в чужом внимании. Есть только она и что-то, что она видит внутри или снаружи — не важно. Он не мог оторваться.

Мужчина убрал телефон. Она перевела взгляд на него — без раздражения, без упрёка — и что-то коротко ответила на его следующий вопрос. И снова — учтивость. Ровность. Ни искры.

Герой поймал себя на чувстве, близком к ликованию: между ними ничего нет. Или — если есть, то это не имеет значения. Важно другое: она остаётся собой даже рядом с ним. Она не растворяется.

Перед уходом мужчина подозвал официанта и расплатился. Она поднялась, поправила ремешок сумки — и вдруг её взгляд скользнул по террасе и задел его.

Она не отвела глаза сразу.

На долю секунды дольше, чем нужно незнакомому человеку. В её взгляде не было ни вопроса, ни интереса, ни кокетства — но он задержался. Как будто она узнала его. Не вспомнила — именно узнала, как узнают лицо из сна, ещё не понимая, что это значит.

Сердце ударило в рёбра — один раз, сильно. Он забыл, что нужно выдохнуть.

Она отвернулась и пошла за мужчиной.

— Может, пойдём? — спросила жена. — Что-то ты совсем заскучал.

— Да, — сказал он, вставая. — Да, пойдём. Просто жара.

Но никакой жарыон уже не чувствовал. Внутри всё дрожало — мелко, возбуждённо, как после первого глотка крепкого вина.

Глава 3. Платок

Следующие две недели прошли как в лихорадке — ровной, бессимптомной снаружи и пожирающей изнутри.

Он заехал в «Il Glicine» во вторник, один, сказав жене, что хочет прогуляться по старому городу, подумать в тишине. Она кивнула, не отрываясь от книги, — она давно привыкла к его потребности в одиночестве. Он взял кофе, сел так, чтобы видеть «её» столик, и просидел час. Она не пришла. Он повторил в среду — с тем же предлогом, чувствуя, как неловкая ложь густеет на языке, но уже не в силах остановиться. Снова никого.

На второй неделе он сменил время — вместо утра приехал днём, когда терраса пустовала. Заказал воду с лимоном и смотрел на пустой стул, воображая её. Это было почти так же хорошо, как видеть её вживую. Почти.

В пятницу он снова пришел — но её не было. Ни её, ни того мужчины. Он пил вино и чувствовал, как внутри копится глухая, иррациональная паника. А вдруг она уехала? А вдруг он больше никогда её не увидит? Абсурд. Он даже не знает её имени. Но мысль эта жгла.

Тогда он придумал платок.

В субботу утром он сказал жене, что ему нужно в центр — забрать вещи из химчистки. Припарковался у Ларго Сан-Сальваторе, но вместо химчистки пошёл в «Il Glicine». Утренняя смена. Официант — молодой парень с ленивой южной грацией — протирает столы на террасе.

— Buongiorno, — начал он. — Извините, я, кажется, в прошлую пятницу, утром... Моя жена, мы сидели вон там... — он махнул в сторону столика у балюстрады. — Она, по-моему, оставила платок. Шёлковый, светлый. Никто не находил?

Парень нахмурился, покачал головой:

— Нет, синьор. Я на утренней смене не был. Но могу спросить у коллеги.

— Был бы очень признателен. Мы как раз сидели рядом с той дамой — ну, вы, наверное, её знаете. Она часто здесь бывает, с мужчиной. Или, может, не с мужчиной... не знаю.

Он старался говорить легко, почти рассеянно, но сердце колотилось где-то в горле. Парень пожал плечами:

— А, синьора, которая рисует?

Внутри у него что-то оборвалось и взлетело одновременно.

— Рисует?

— Ну да. Художница. Я её не очень знаю, она неразговорчивая. Приходит, когда тихо. Иногда одна, иногда с этим... — он неопределённо повёл рукой. — возможно, это её брат. Или кузен. Они похожи немного, нет? Но я не спрашивал.

Брат. Или кузен. Он почувствовал, как внутри отпускает какой-то туго закрученный винт.

— Кстати, она не местная? Просто любопытно. Она действительно отличается от всех, кого здесь встречаешь.

Парень усмехнулся:

— Не то слово. Она и живёт так же — уединённо, в стороне от всех. Я слышал, у неё дом где-то за городом, в сторону побережья. Там, где старая дорога уходит вниз к бухте. Знаете, где масличная роща за поворотом? Там ещё тропинка к пляжу. Говорят, её дом где-то на склоне. Но это не точно.

Дом на склоне. Масличная роща. Тропинка к уединённому пляжу.

Он поблагодарил, оставил чаевые и вышел на улицу. Утро только разгоралось, белый камень мостовой слепил глаза. Он шёл, не чувствуя жары, и в голове у него складывалась карта — пока ещё смутная, но уже реальная. У неё есть дом. У неё есть тропинка к морю. И она художница. Женщина, которая рисует.

То, что он делает, уже не было случайностью. Это была охота. Но он не чувствовал себя хищником. Скорее — исследователем. Паломником, который получил первую подсказку к тому, где обитает его божество.

Он не мог рассказать никому ни о платке, ни о художнице, ни о доме на склоне. Спрятал это всё глубоко внутрь, как прячут драгоценность, о которой никто не должен знать, — и от этого она сияла только ярче.

Глава 4. Масличная роща

Информация о доме, о масличной роще, о тропинке к уединённому пляжу легла в него, как семя в подготовленную почву. Днём он ещё как-то держался — разговоры с женой, бытовые мелочи, — но к вечеру, когда Монополи затихал и в окна их просторной квартиры в Ларго Сан-Сальваторе начинало сочиться лимонное закатное золото, семя это начинало прорасти. Внутри разворачивалось новое знание, требуя выхода.

Он стал уходить в спальню раньше жены. Говорил, что устал, хочет почитать, — и действительно ложился в постель с книгой, но строчки плыли перед глазами, а сам он уже был не здесь. Жена ещё возилась на кухне или в душе, а он уже закрывал глаза и уходил в мир, созданный им самим.

Теперь это было легче. Почти просто. Как включать любимый фильм, который знаешь наизусть, но каждый раз находишь новый кадр.

Он представлял пляж.

Не тот общественный, каменистый пляж в порту, где днём толкуются туристы и пахнет кремом от загара. А тот, уединённый, к которому ведёт тропинка через масличную рощу. Узкая полоса бледного песка вперемешку с галькой, обрывающаяся прямо в прозрачную, густосинюю воду. Скалы по бокам, заросшие сухим кустарником и какими-то цепкими цветами, которые пахнут мёдом и солью. Ни души. Только море, шуршащее набегающей волной, и ветер — тот самый влажный, тёплый апулийский ветер, который он впервые почувствовал на террасе «Il Glicine».

И она.

Она стояла спиной к нему, у самой кромки воды, босиком. Платье — другое, не то, в котором он видел её в кафе. Длинное, из почти невесомой ткани, которую ветер облеплял вокруг её бёдер и отбрасывал назад, обрисовывая линию тела — мягкую, гармоничную и бесконечно женственную.

Она смотрела в море. Он не видел её лица, но знал этот взгляд — тот самый, рассеянный, обращённый одновременно внутрь и в бесконечность. Ветер играл с её волосами — снова, как в первый раз, — и она позволяла ему. Не сопротивлялась. Была частью этого воздуха, этой воды, этой тишины.

А он стоял за её спиной.

Раньше, он держался на расстоянии — тот же столик, та же терраса, ночная спальня, которую он подглядывал из тени. Теперь, впервые, он позволил себе приблизиться. Шаг. Ещё шаг. Так близко, что если бы она повернулась, он бы увидел своё отражение в её зрачках. Но она не поворачивалась. Она не знала, что он здесь. И именно это — её незнание — делало его присутствие таким острым, таким запретно-сладостным.

Он пытался услышать её дыхание.

В реальности на пляже, было слишком ветрено, чтобы услышать, как дышит человек в нескольких шагах от тебя. Но в фантазии — в фантазии он мог всё. Медленный, ровный, спокойный ритм. Она просто дышала. И он подстроил своё дыхание под её — вошёл в этот ритм, как входят в тёплую воду, медленно, с наслаждением.

Потом он попытался почувствовать её аромат.

Это было сложнее. Фантазия, такая послушная в образах, становилась упрямой, когда дело касалось запахов. И вдруг, как будто какая-то дверь внутри распахнулась, воображение подарило ему целую гамму: соль на коже, нагретая солнцем; что-то травяное, сухое — масличная роща, через которую она спускалась к пляжу; и под этим — тонкий, почти неуловимый запах её тела. Не духи — что-то природное, тёплое, живое, что шло изнутри.

У него перехватило горло. В реальной спальне, в тишине их квартиры, он приоткрыл рот, как будто хотел вдохнуть глубже, втянуть этот придуманный запах в лёгкие и оставить там.

Он не мог к ней прикоснуться.

Даже в фантазии не мог. Что-то держало — не страх, не стыд, а странное, почти священное чувство запрета. Прикоснуться значило бы разрушить. Разрушить её покой, её тишину, её отдельность от него. Сделать её обычной женщиной, до которой можно дотянуться рукой, — и тогда магия исчезнет. Он понял это отчётливо, лёжа с закрытыми глазами. Сейчас ему достаточно было вот так: стоять за её спиной, вдыхать её, слышать её дыхание и знать, что она существует в этом мире — на этом самом пляже, в этот самый момент, — даже если сам он никогда не решится туда прийти.

Эта мысль — «никогда не решится» — принесла с собой странное облегчение. Как будто невозможность была частью удовольствия.

Он открыл глаза. Жена ещё не пришла. За дверью слышался шум воды в душе. Глубоко вздохнул — без соли и трав, просто воздух спальни, — и прижал пальцы к векам. Картинка всё ещё стояла перед ним: море, ветер, платье, прядь у губ.

«Я хочу увидеть это по-настоящему», — подумал он внезапно.

Не подойти. Не заговорить. Просто увидеть. Просто подтвердить, что это существует не только в его голове. Что она действительно ходит туда, на этот пляж, одна, и смотрит на море.

Мысль была опасной, но он уже не мог ей противиться.

Глава 5. Ее тропа

Утро субботы началось снова с лжи.

Он сказал жене, что хочет съездить в сторону Бари — посмотреть кое-какие редкие издания в книжной лавке, заодно, может, заглянуть в библиотеку. Слова выходили сами — ровные, обыденные, ничем не выдающие той бурлящей смеси из стыда и предвкушения, что колотилась у него в горле с самой ночи. Жена, ещё сонная, кивнула, что-то пробормотала о том, чтобы он вернулся к обеду, и перевернулась на другой бок. Он поцеловал её в висок — привычный, нежный, почти машинальный жест — и вышел.

Совесть настигла его уже в машине, на выезде из Ларго Сан-Сальваторе, когда белые стены старого города ещё отражались в зеркале заднего вида. Совесть — или её суррогат, воспитанный годами «правильной» жизни, — нащёптывала: «Ты едешь выслеживать женщину, которую видел два раза в жизни и которая даже не знает твоего имени. Что ты творишь? Остановись. Ещё можно повернуть. Ещё можно поехать в настоящую библиотеку, книжную лавку и вернуться в настоящий субботний день, где всё предсказуемо, честно и серо».

Он не повернул.

Вместо этого свернул на старую дорогу, ведущую из Монополи к побережью, туда, где каменистые поля сменяются масличными рощами, а воздух становится всё гуще от соли и нагретой за день земли. Утреннее солнце только начинало набирать силу, но свет уже был таким, какой бывает только здесь, на юге: бело-золотым, плотным, словно в него подмешали мёд. Окна машины были открыты, и ветер — тот самый, с которым он уже мысленно делил её, — врвался в салон, трепал волосы, нёс запахи: сухой травы, дрока, пыли, разогретого асфальта.

Дорога пошла вниз, петляя между старыми каменными оградами, за которыми серебрилась листва маслин. Стволы — узловатые, древние, причудливо изогнутые, как будто каждое дерево застыло в танце, — отбрасывали короткие резкие тени. Он проехал поворот, о котором говорил официант, и сбросил скорость. «Там ещё тропинка к пляжу». И точно: справа, у развилки, от асфальта отходила узкая грунтовка, почти не видная за кустами олеандра. Он припарковался на обочине, заглушил мотор и вышел.

Тишина пронзает слух. Не городская тишина — плотная, прерываемая гулом машин, — а совсем другая: наполненная звуками, которые не нарушают покой, а входят в него. Стрекот цикад — то затихающий, то взрывающийся с новой силой. Шелест ветра в оливах. Где-то далеко, снизу, ритмичный шёпот прибоя. Он постоял минуту, привыкая, — и пошёл вниз по тропе.

Тропа была старой, выбитой в каменистой почве, но сейчас она выглядела почти заброшенной. Сухая трава цеплялась за штанины. Слева и справа из камней торчали пучки каких-то цепких цветов — мелких, бело-розовых, пахнущих мёдом и перцем. Воздух слоился: сверху — сухой, горячий, пропитанный солнцем; снизу, от моря, тянуло прохладной влагой, и эти два потока смешивались на коже, оставляя ощущение лёгкой, невидимой дымки.

Он спускался, и с каждым шагом «она» — та, воображаемая, фантомная — становилась всё более реальной. Он почти видел, как она идёт здесь: в лёгких сандалиях, или вовсе без обуви, той же тропой, задевая плечом те же ветки, вдыхая тот же перечный запах. Он замедлил шаг, как будто хотел синхронизироваться с её ритмом.

Тропа сделала последний поворот, и пляж открылся.

Внутри у него всё стихло.

Это было то самое место. Он узнал его сразу, хотя никогда здесь не был. Узкая полоса песка, бледного, почти белого, вперемешку с гладкой круглой галькой — серой, зеленоватой, розоватой, как будто море веками обтачивало здесь драгоценные камни. Скалы по бокам — серо-охряные, выщербленные, поросшие сухим кустарником. А впереди — море. Не то море, что на открытках, — ярко-синее, глянцевое, — а живое, дышащее, цвета индиго, тронутого утренней дымкой, с белыми нитками пены у самого берега.

Никого.

Пляж был пуст. Абсолютно, совершенно пуст — только чайка сидела на большом плоском камне у воды и смотрела вдаль, почти по-человечески задумчиво. Он выдохнул — и только сейчас понял, что всё это время шёл, не дыша.

Спустившись на песок, он сделал несколько шагов к воде и остановился ровно на том месте, где в его фантазиях стояла она. Повернулся лицом к морю. Ветер здесь был сильнее, плотнее, он обнимал сразу, без предупреждения, — и он вдруг понял, что значит «позволять ему это делать и не сопротивляться». Просто стоять. Просто принимать.

Теперь он знал. Это место существует. Она здесь ходит. Дышит этим воздухом. Смотрит на эту воду.

И тогда в нём родилась новая мысль — сперва лёгкая, как тень облака, но быстро набирающая вес. Поселиться поближе. Найти дом или хотя бы маленькую квартирку — где-нибудь на склоне, откуда видно этот пляж или хотя бы край моря. Чтобы наблюдать. Не вторгаться, нет — только видеть. Знать, когда она приходит. Знать, когда она уходит. Быть частью этого пейзажа так близко, как только возможно, не разрушая его.

Мысль была безумной. И практичной одновременно. Жене можно объяснить — необходимостью уединения для работы над диссертацией, которую он давно обещал кафедре и, которой хотел заняться в академе. Аренда небольшого кабинета или домика у моря, где ему «лучше думается». Она не станет спрашивать слишком много; она привыкла к его периодам замкнутости, к его вечной потребности в тишине, к тому, что он иногда исчезает в библиотеках на целые дни.

А он... он будет жить на два дома. В одном — муж, в другом — жрец невидимого культа.

Он снова прошёлся взглядом по склону. Где-то там, наверху, среди зелени и белых камней, прятался её дом — о котором говорил официант. Может быть, из его окон видно тот самый камень, на котором сейчас сидит чайка.

Вина снова подала голос — тихо, почти жалобно: «Ты вторгаешься. Ты обманываешь. Ты становишься тем, кого сам бы презирал». Но голос этот звучал уже приглушённо, как радиоволна, которую глушит более мощный сигнал. Потому что в груди, прямо под сердцем, пульсировало совсем другое — сильное, горячее, почти ликующее: «Я здесь. Я нашёл. Я буду ближе».

Он развернулся и пошёл обратно к тропе. Чайка проводила его взглядом. Цикады затихли на секунду и завели снова. Море продолжало дышать за спиной.

Возвращаться к машине, к «библиотеке и книжной лавке», к разговору с женой о том, как прошла его поездка, — всё это казалось теперь невыносимо плоским, как сцена из чужого, скучного спектакля. Он уже знал: скоро он сюда вернется.

А ещё он знал: нужно искать дом.

Глава 6. Дом Джанни Палумбо

Он вернулся с пляжа другим человеком.

Не то чтобы он сам это осознавал — скорее чувствовал, как меняется внутренняя оптика. Субботний день, ещё утром казавшийся прозрачным и предсказуемым, теперь был полон тайных смыслов. Жена спросила, как съездил. «Хорошо, — ответил он, — но интересных книг не оказалось. Зато нашёл одно место. Тихое, у моря. Там так хорошо думается». Она кивнула, не вникая: у него, вечно какие-то «места, где хорошо думается». Она давно к этому привыкла.

Да, он был преподавателем философии, профессором. Не светилом мирового масштаба, но уважаемым человеком, в своих кругах: пара монографий, несколько десятков статей в научных журналах, которые читали человек сорок по всему миру. Этого хватало на скромную, но достойную жизнь, на статус «интеллектуала», на приглашения на конференции, где он пил кофе с такими же усталыми людьми и говорил о вещах, которые давно перестали его волновать. Здесь, в Монополи, ему было всё равно. Философия была не профессией даже, а способом существования: вечное всматривание, вечное переложение реальности на концепции, вечный поиск смысла там, где его, возможно, никогда и не было. Иногда он думал, что именно это и отдалило его от жены — не переезд, не быт, а то, что она жила в мире реальных вещей, а он всё время искал за ними что-то ещё.

Теперь он нашёл. Или, вернее, она нашлась.

В понедельник, едва проводив жену на рынок, он снова сел в машину и поехал в сторону побережья. На этот раз он не стал спускаться к пляжу — свернул раньше, в просёлок, который, петляя между оливами и сухими каменными оградами, вёл к верху склона. Ему нужно было найти место, откуда видно море. И, если повезёт, — дом.

Просёлок вывел его к маленькой площади — даже не площади, а просто расширению дороги перед старой церквушкой Сан-Рокко, белёной, с облупившейся голубой дверью и крошечной колокольней, похожей на игрушечную. Рядом, приткнувшись к церковной стене, ютился бар — «Bar dello Sport», судя по выцветшей вывеске. Хотя спортом здесь, очевидно, интересовались мало. Под навесом стояли три пластиковых столика и стул, на котором дремал пёс неопределённой породы — рыжеватый, с седой мордой и выражением лица, полным философской скуки.

Припарковавшись, он вошёл внутрь.

Внутри было темновато и прохладно. Пахло кофе, старым деревом и чуть-чуть анисом — тем самым ликёром, который здесь, на юге, пьют в любое время суток. За стойкой стоял мужчина лет шестидесяти — седые усы, рубашка с коротким рукавом, руки, привыкшие к работе. Он неторопливо протирал стеклянную витрину с корнетто, уже наполовину опустевшую.

— Buongiorno, — поздоровался герой. — Кофе, пожалуйста.

Пока старик возился с машинкой — старой, медной, рычащей на весь бар, — герой обвёл глазами помещение. Стены были увешаны выцветшими фотографиями местной футбольной

команды, парой чучел рыбы и календарём трёхлетней давности. В углу, на шатком столике, лежала стопка газет и старый телефонный справочник. Никакого интернета, никакой суеты. Место, где время остановилось в тот самый момент, когда его перестали замечать.

— Вы не местный, — сказал старик, ставя перед ним чашечку. Это был не вопрос.

— Нет. Из Турина. Но теперь живу в Монополи.

Старик кивнул с тем вежливым равнодушием, с каким на юге относятся к приезжим, — не осуждая, но и не требуя продолжения.

— Я, собственно, ишу дом, — продолжил герой, отпивая кофе. — Небольшой. Чтобы тихо, чтобы никто не мешал. И чтобы вид на море. Где-нибудь здесь, на склоне. Может, кто-то сдаёт?

Старик задумался. Поскрёб усы. Потом повернулся к двери, ведущей в подсобку, и крикнул:

— Мария!

Из подсобки вышла женщина — явно его жена, такая же немолодая, в фартуке, с лицом, на котором читалась смесь природной приветливости и многолетней привычки командовать. Она вытерла руки о фартук и вопросительно уставилась на гостя.

— Синьор ищет дом, — пояснил старик. — С видом на море.

— С видом на море, — повторила Мария задумчиво, и в её голосе прозвучало что-то вроде уважения: запрос был не из дешёвых. — Надолго?

— Как получится. Может, на месяц. Может, на полгода. Мне нужно место для работы. Уединённое.

Мария переглянулась с мужем — тот самый быстрый, почти незаметный обмен взглядами, какой бывает у людей, проживших вместе сорок лет, — и сказала:

— Есть дом. Дом Палумбо. Старый Джанни Палумбо умер два года назад, а дети его всё не едут. Синьора Роза, его сестра, присматривает, но ей тяжело. Она, может, и сдала бы.

— Он на самом склоне, — добавил старик, оживляясь. — Терраса, внизу масличная роща, а за ней — море. Вид хороший. Только дом старый, без ремонта. Удобства не новые. Вам, синьор, может, не подойдёт.

— Мне подойдёт, — сказал он слишком быстро. — А где найти синьору Розу?

Мария снова вытерла руки, хотя они были уже сухие, и махнула в сторону двери:

— Через два дома от церкви. Там ещё герань на окне, красная.

Он допил кофе, расплатился, оставив щедрые чаевые, и уже у двери, как будто вспомнив что-то неважное, обернулся:

— Кстати. Я тут видел женщину... художницу. Она, кажется, тоже где-то здесь живёт. Рисует, да?

Старик и Мария снова переглянулись. Мария чуть поджала губы — не осуждая, но с тем оттенком осторожности, который бывает у жителей маленьких городков, когда речь заходит о ком-то «не совсем здешнем».

— Наверное, синьора Л., — сказала она, называя только первую букву, как называют человека, которого уважают, но не хотят лишний раз тревожить. — Она тут живёт, да. Дом с синими ставнями, дальше по дороге. Хорошая женщина. Тихая. Но она не очень... — Мария замялась. — Она не очень любит, когда к ней приходят. Вы уж, синьор, если увидите её, лучше не беспокойте.

— Я и не собираюсь, — сказал он и сам почти поверил в это.

Через десять минут он уже стоял на пороге дома синьоры Розы — крошечной старушки в чёрном платке, которая встретила его с тем же самым недоверчивым прищуром, что и все местные. Но когда он объяснил, что он преподаватель философии, ищет тихое место для работы и что Мария из бара сказала про дом Палумбо, взгляд её смягчился.

— Преподаватель философии, — повторила она задумчиво, словно пробуя слово на вкус. — У нас тут преподавателей до этого не было. Только художница одна, дальше живёт. Ну пойдём, покажу.

Дом стоял на самом краю склона — старый, каменный, с плоской крышей и террасой, увитой засохшей бугенвиллией. Внутри пахло пылью, сухим деревом и морем. Две комнаты: спальня с продавленной, но ещё крепкой кроватью, и гостиная с большим окном, выходящим прямо на море. Мебель старая, из тёмного дерева, покрытая выцветшими кружевными салфетками. На стене — олеография Мадонны с Младенцем. В кухне — медная утварь и плита, которой, судя по всему, не пользовались со времён покойного Джанни.

Но главное — окно. Огромное, от пола до потолка, с деревянными ставнями, выкрашенными когда-то в зелёный. Из него открывался вид ровно на тот самый пляж. Узкая полоса песка, плоский камень, на котором в тот раз сидела чайка, и море — бесконечное, дышащее, живое. Он стоял у окна и не мог отвести глаз. Тропинка, по которой она спускается к воде, была видна почти целиком.

— Сколько вы хотите? — спросил он, не оборачиваясь.

Синьора Роза назвала сумму — смешную, почти символическую. Он согласился сразу, даже не попытавшись торговаться. Отсчитал купюры за два месяца вперёд и получил в ладонь старый железный ключ — холодный, тяжёлый, как обещание.

Когда он вышел на террасу, солнце уже начало клониться к закату, заливая склон медовым светом. Внизу, под оливами, тропинка была пуста. Но теперь он знал: он будет здесь. Будет смотреть в это окно и ждать, когда на тропе появится она — одна, с лёгкой сумкой или блокнотом для набросков, и спустится к воде.

Внутренний голос умолк. Только сердце билось ровно и сильно — как будто он наконец-то сделал то, для чего был рождён.

Глава 7. Ключ от мечты

Он вёл машину медленнее обычного, опустив стекло, и тёплый вечерний воздух, всё ещё пахнувший пылью и нагретой за день хвоей, задувал в салон, но не остужал того жара, что поселился у него под сердцем. Ключ был холодный, железный, с бороздками, чуть тронутыми ржавчиной. Он сжимал его в левой руке, пока правая держала руль, и этот холод был единственной реальной вещью во всём мире. Всё остальное — дорога, оливы за окном, закат, заливающий склон оранжевым, — казалось декорацией.

Дом. У него есть дом. С окном на её тропу.

Мысль эта была до того огромной, что он не мог вместить её целиком. Приходилось разбивать на маленькие, почти бытовые кусочки: нужно будет купить простыни. И кофе. И новую лампу — та, что в гостиной, слишком тусклая. И проверить, работает ли плита.

И сказать жене..

Вот этот кусочек в горле застревал. Не потому что он боялся — он уже знал, что скажет, — а потому что сама необходимость лгать, пусть даже полуправдой, отдавала горечью. Но выбора не было. Вернее, выбор был, но он был сделан не сегодня. Он был сделан еще на террасе «Il Glicine».

Жена была на кухне, когда он вошёл. Она стояла спиной к двери, помешивая что-то в кастрюле, и вполоборота слушала подкаст — итальянский, что-то о местной политике, голоса, спорящие вполголоса из телефона на столешнице. Пахло чесноком, помидорами и базиликом — простой, земной, уютный запах, который раньше вызывал у него чувство покоя, а теперь резанул чем-то чужим.

— Я вернулся, — сказал он, кладя ключи на стол. Не тот ключ, конечно, — ключ от их квартиры.

— Вовремя, — отозвалась она, не оборачиваясь. — Ужин почти готов.

Он сел на табурет у кухонного островка и смотрел на её спину. Прямые волосы, простое домашнее платье, знакомые до последней складки плечи. Она была красива — до сих пор, в свои сорок с небольшим, — но красота эта была для него теперь как старая картина, которую знаешь наизусть и перестаёшь замечать.

— Мне нужно поговорить, — сказал он.

Она выключила подкаст и повернулась.

— Звучит серьёзно.

— Да нет, — он постарался улыбнуться. — Не серьёзно. Скорее... личное.

Он рассказал ей. Не соврал почти ни в чём. Он действительно устал от города — это было правдой. Ему действительно нужно больше уединения для работы — написание диссертации требовало сосредоточения, а мысли разбегались, и он чувствовал, что в четырёх стенах их просторной, но всё же общей квартиры ему не хватает какого-то внутреннего вакуума, в котором рождаются слова. Он нашёл дом — недалеко от побережья, старый, но с прекрасным видом, и очень дёшево, и уже снял его на пару месяцев. Он будет ездить туда работать. Иногда оставаться на ночь, если засидится допоздна. Ничего особенного. Просто студия. Просто пространство.

— Ты мог бы и здесь работать, — сказала она без упрёка, но и без восторга. — У нас шесть комнат.

— Знаю. Но это другое. Там — другое.

Она помолчала. Помешала соус. Потом пожала плечами — тем самым жестом, который он знал двадцать лет.

— Если тебе так нужно, конечно. Только не загоняй себя. Ты всегда, когда садишься за научную работу или статью, становишься сам не свой.

Он выдохнул. Остатки совести пискнули — тонко, жалобно, — но тут же затихло, убаюканное тем, что он сказал правду. Почти.

— Спасибо, — сказал он. — Я правда это ценю.

Она повернулась обратно к плите, и разговор кончился. Так просто. Так буднично.

И от этой простоты ему стало хуже, чем если бы она закатила скандал.

На следующий день, в послеобеденный зной, когда город затих и даже цикады взяли паузу, он впервые открыл дверь дома Палумбо своим ключом.

Замок поддался с глухим, неохотным щелчком, и дверь отворилась внутрь, впуская его в запах пыли, старого дерева, сухой травы и моря. Он вошёл медленно, почти торжественно, как входят в храм.

Внутри всё было так же, как вчера, — и совсем иначе, потому что теперь это было *его*. Продавленная кровать с железной спинкой, кружевные салфетки, олеография Мадонны. Он обошёл две комнаты, провёл пальцем по столу, понюхал пустую сахарницу — она пахла временем. Но все эти детали не имели значения. Имело значение только окно.

Он подошёл к нему.

Окно было большим, старым. Он распахнул створки — и море ворвалось в комнату. Не вода, нет, — до пляжа было метров триста вниз по склону, — но свет, воздух, шум. Шёпот прибоя, ритмичный и далёкий, как дыхание спящего великана. Запах соли и разогретой гальки. И вид — тот самый вид, из его фантазий.

Он сел на старый деревянный стул у окна и словно растворился в этом виде, в этом свете, в этом ожидании.

Тропа была пуста. Пляж был пуст. Но это не имело значения — пока. Теперь у него было место. Теперь у него была позиция. Он мог сидеть здесь часами, день за днём, и ждать. Не вторгаться — просто видеть.

Он вдруг поймал себя на том, что улыбается. Улыбка была странной — не радостной, не возбуждённой, а почти умиротворённой. Как будто он наконец нашёл точку равновесия между реальностью и наваждением. Между мужем, который вернётся вечером в Ларго Сан-Сальваторе, и тем, кто сейчас сидит у окна, сжимая в кармане старый железный ключ.

Он не знал, когда она придёт. Может, сегодня. Может, завтра. Может, через неделю. Но он мог ждать. Ждать, вглядываться в тропу и — быть может. Впервые в жизни — просто быть.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.